

Е Цзюньшу перенес принесенную из зала одежду и обувь в комнату, сложив их вместе с теми вещами, которые мама успел сшить для братьев при жизни.

В те последние месяцы, когда мама был прикован к постели, он, несмотря на крайнюю слабость, продолжал шить. Словно чувствуя, что срок его отмерен, он делал одежду «на вырост». Возможно, горюя о том, что не увидит, как дети станут взрослыми, он по памяти и воображению сшил каждому сыну по летнему наряду, который подошел бы взрослому мужчине, и только тогда со спокойным сердцем покинул этот мир.

В их семье одежда обычно переходила от старших к младшим. У самого Цзюньшу вещей было больше всего, и на эту зиму одежды хватало. Его старые наряды, купленные еще в те времена, когда семья была в достатке, отличались отменным качеством и могли носиться годами — Сяо Шаню их хватит с избытком. У двух маленьких братьев-гэров тоже было по несколько обновок, а уж о близнецах и беспокоиться не стоило: после стольких старших братьев осталось столько распашонок и пеленок, что можно было менять их хоть каждый час.

«К счастью, в этом году не нужно тратиться на одежду и обувь, — с облегчением подумал Е Цзюньшу. — Нужно только решить вопрос с пропитанием, иначе груз ответственности стал бы совсем неподъемным».

Вздохнув, он засучил рукава и отправился на кухню — пришло время обеда! Чувствуя, что дети всё еще подавлены утренней сценой, он решил приготовить что-нибудь особенное. Конечно, из-за траура по родителям им нельзя было есть мясо, так что особо не разгуляешься.

Тем не менее, Цзюньшу превзошел сам себя. Он приложил всё свое кулинарное мастерство: пожарил несколько овощных блюд и приготовил яйца-пашот, не пожалев растительного масла. Обед выглядел настолько аппетитно, что слюнки текли сами собой.

Но Лу-гэр и Цинь-гэр всё еще спали, поэтому за стол сели только Е Цзюньшу, Сяо Шань и Ачжи. Половину еды Цзюньшу оставил томиться в тепле на кухне, а близнецов накормил жидкой кашкой-размазней.

Сон Лу-гэра поначалу был тревожным, но когда сквозь дрему до него донеслись привычные голоса братьев и уютное лепетание Пятого и Шестого, он невольно расслабился и провалился в глубокий, целительный сон.

Когда он открыл глаза, в небе уже начали сгущаться сумерки. Он обнаружил, что его перенесли: заснул он в одной комнате, а проснулся в другой.

Рядом послышался приглушенный голос второго брата:

— Пятый, Шестой, не балуйтесь! Третий брат спит, не смейте его будить...

Оказалось, любопытные близнецы пытались доползти до спящего Лу-гэра, чтобы «исследовать» его, а Сяо Шань с трудом их удерживал. Цинь-гэр сидел рядом, глупо улыбаясь и глядя на эту возню, даже не думая помогать.

Звуки, которые Лу-гэр принимал за сон, звучали прямо у него над ухом. Он приоткрыл опухшие глаза и невольно улыбнулся. Уткнувшись носом в теплое одеяло, он почувствовал себя невероятно счастливым. Как же хорошо...

Возможно, этот утренний плач помог ему выплеснуть всё то, что он так долго подавлял в глубине души. Теперь Лу-гэру стало удивительно легко. Серая дымка, застилавшая взор,

наконец рассеялась, мир вокруг стал ярким и четким. Лица братьев, балки на потолке, шкаф, узор на одеяле — всё обрело ясные, сочные цвета.

— Третий брат! Третий брат! — Цинь-гэр увидел, что тот проснулся, и с блестящими глазами подполз ближе. — Третий брат — хрюшка! Цинь-гэр уже встал, а брат — нет! Животик у брата не заурчит?

Цинь-гэр редко выдавал такие длинные тирады, и Лу-гэр удивленно округлил глаза — обычно малыш изъяснялся короткими фразами в два-три слова.

Лу-гэр сел и, хитро прищурившись, ответил:

— Это я-то хрюшка? Нет, это наш Цинь-гэр — беленький, нежненький, пухленький поросеночек!

— Цинь-гэр не поросенок! Третий брат — поросенок! — Цинь-гэр возмущенно засучил ножками. — Ты хрюшка! Лу-гэр весело расхохотался.

Сяо Шань, увидев, что брат пришел в себя, перестал ловить близнецов и с облегчением выдохнул:

— Лу-гэр, наконец-то ты проснулся! Спал так долго... Проголодался? Брат оставил тебе еду.

Сяо Шань присел рядом, внимательно разглядывая покрасневшие веки брата.

— Лу-гэр, почему ты так сильно плакал? Дядя тебя обидел?

Лу-гэр покачал головой, ответив чуть охрипшим голосом:

— Нет, второй брат, всё хорошо.

В этот момент в комнату вошел Е Цзюньшу. Увидев, что Лу-гэр проснулся и выглядит бодрым, он мягко улыбнулся:

— Проснулся, соня?

— Старший брат... — Лу-гэр слегка покраснел.

Сяо Шань и малыши тоже загалдели, приветствуя его.

Цзюньшу, улыбаясь, налил чашку теплой воды:

— Пей, горлышко нужно смочить. — Он всерьез опасался, что брат надорвал связки от рыданий.

Лу-гэр мигом выбрался из-под одеяла, сел на край кровати и послушно выпил всё до капли из рук брата.

— Совсем проголодался, наверное? На кухне тебя ждет обед. Сейчас умоешься — и пойдем есть.

Лу-гэр послушно кивнул.

Заметив, что Цинь-гэр сидит в стороне, надув губы и раздув щеки, словно хомяк, припрятавший

зерно, Цзюньшу развеселился:

— А с Цинь-гэром что? Кто обидел нашего маленького братика?

Цинь-гэр тут же бросился к Е Цзюньшу, возмущенно лепеча:

— Третий брат плохой! Цинь-гэр не хрюшка!

«Ого, уже ябедничать научился!» — Цзюньшу со смехом подхватил его на руки, серьезно кивая:

— Да-да, третий брат неправ. Наш Цинь-гэр вовсе не поросенок.

Получив поддержку старшего брата, Цинь-гэр перестал дуться, но слезать с рук отказался, прильнув к нему. Е Цзюньшу поручил Сяо Шаню присматривать за близнецами, а сам, неся на руках Цинь-гэра и ведя за руку Лу-гэра, отправился на кухню.

Лу-гэр украдкой поглядывал на старшего брата. Видя, что тот ведет себя как обычно, не задает лишних вопросов и не допытывается о причинах его истерики, он с облегчением выдохнул. Иначе он просто не знал бы, как всё объяснить.

Запланированный поход в горы Е Цзюньшу пришлось отложить. На следующее утро плотник Ду доставил заказанную мебель: двадцать квадратных столов и двадцать длинных лавок — всё добротное, крепкое, за каждым столом могли поместиться двое. Поскольку возраст учеников варьировался от шести до четырнадцати лет, высоту столов и лавок сделали разной.

Опасаясь капризов погоды, Цзюньшу отвел под занятия отдельную комнату. При открытых окнах там было светло и уютно. Низкие столики поставили впереди, высокие — сзади. Двадцать комплектов выстроили в три ряда — получилось плотно, но места хватило всем. Подражая школам из своего прошлого, Цзюньшу повесил на центральную стену гладкую светлую доску. Вместо мела он заготовил толстые угольные палочки. Стирать написанное можно было обычной влажной тряпкой — просто и удобно.

Ачжи тоже не бездельничал. Вместе со своими приятелями он наполнял мелким песком деревянные лотки, которые расставили на столах. Рядом с каждым лотком положили по острой прямой палочке длиной с ладонь. Так скромный класс был готов!

Глядя на свой «кабинет», в котором современная практичность сочеталась с древней простотой, Е Цзюньшу почувствовал прилив гордости. Кто бы мог подумать, что он станет учителем! Поначалу он не придавал этому особого значения, но когда час пробил, на него внезапно нахлынуло волнение. А вдруг он не справится? Будут ли его знания полезны детям? Что, если он невольно внушит им какие-то неправильные идеи и испортит их неокрепшие умы?

Впервые Цзюньшу страдал от бессонницы. Полчаса он ворочался с боку на бок, а затем тихонько выскользнул из комнаты и ушел в кабинет, чтобы еще раз обдумать план уроков. Он правил и перечеркивал свои записи всю ночь, хотя, по правде говоря, ничего существенно не изменил.

А потом наступил рассвет. Е Цзюньшу вихрем помчался на кухню — начинался его первый рабочий день.

К счастью, молодость брала свое, и бессонная ночь никак не отразилась на бодрости Е Цзюньшу.

Хотя по договору занятия должны были начаться в три четверти часа Чэнь (около 08:45), нельзя было исключать, что дети придут пораньше. Цзюньшу нужно было успеть накормить и обиходить свою ораву до этого времени.

Его предусмотрительность оказалась как нельзя кстати: едва пробило восемь утра, как к дому потянулись первые родители с детьми. Поскольку разница в возрасте была невелика, многие лица казались Е Цзюньшу знакомыми. Глядя на то, как Сяо Шань, столкнувшись лбами со сверстниками, возбужденно о чем-то щебечет, он понял — среди учеников немало друзей его брата.

Видя редкую для Сяо Шаня детскую, восторженную улыбку, Е Цзюньшу лишний раз убедился: затея со школой была верным решением.

Цзюньшу велел Сяо Шаню проводить ребят в класс, а сам принялся кормить близнецов. Сегодня Пятый и Шестой капризничали и наотрез отказывались чинно есть свою кашу, так что завтрак затянулся.

Родители, приведя детей, не спешили расходиться. Они толпились во дворе, переговариваясь и поглядывая на дом. Сегодня был первый день, и всем было до смерти любопытно: как двенадцатилетний мальчишка собирается учить грамоте детей, которые почти одного с ним возраста?

Заметив, с каким трудом Е Цзюньшу пытается накормить близнецов, один из деревенских дядьев подошел и мягко перехватил миску с ложкой. Он велел Цзюньшу не беспокоиться о малышах и полностью сосредоточиться на уроке.

Оказалось, старшие уже всё обсудили между собой: семьи, чьи дети пришли учиться, решили по очереди выделять по одному человеку в помощь по хозяйству. Двое взрослых каждый день будут помогать присматривать за младшими братьями Е и готовить обед, чтобы у Е Цзюньшу были развязаны руки для преподавания.

В доме Е стало шумно и многолюдно. От обилия незнакомых лиц Цинь-гэр стал еще сильнее жаться к братьям, не отходя ни на шаг. Его черные блестящие глазки смотрели на гостей робко, но с явным любопытством — ну просто само очарование!

Лу-гэр, видя, что помощь по дому больше не требуется, взял Цинь-гэра за руку и пришел «подслушивать» урок. Две крохотные фигурки устроились на переднем ряду, не сводя сияющих глаз со старшего брата. Выражение их лиц буквально светилось гордостью!

Так что на деле взрослым оставалось лишь присматривать за близнецами, и два человека вполне могли справиться с этим, успевая заниматься своими делами. Никто не остался в обиде.

Еще не пробило три четверти часа Чэнь, а в классе уже воцарился порядок. Дети чинно расселись по местам согласно росту. Взгляд Цзюньшу скользнул по рядам: из сорока мест было занято тридцать три — почти столько, сколько он и предполагал. Он специально отметил про себя, что Да Шуань и Сяо Шуань, сыновья дяди Фана, тоже были здесь.

За дверью столпились десятка полтора родителей. Как и их дети, они, затаив дыхание, во все глаза смотрели на юного учителя, стоявшего у доски с прямой, как струна, спиной.

Е Цзюньшу обвел класс легкой улыбкой, а затем принял серьезный вид и объявил:

— Начинаем урок!

<http://bllate.org/book/15226/1343924>